

УДК 343

doi: 10.20310/1819-8813-2017-12-3-263-271

ЦЕЛОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА КАК УСЛОВИЕ И ОСНОВА ЕГО НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ

ПОПОВ ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Челябинский государственный университет (Костанайский филиал),
г. Костанай, Республика Казахстан, e-mail: ive90@mail.ru

ПОПОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)),
г. Челябинск, Российская Федерация, e-mail: ive90@mail.ru

Право есть явление сверхсложное, но цельное: единое в трех его ипостасях – в сущности и содержательно отличных друг от друга обликах. При этом в каждом из обликов отдельное настолько, чтобы их целостность не образовывала новую сущность; и не сближающееся с ними до того, чтобы потерять цельность собственного облика. Вольное и невольное сведение права к одной из его ипостасей, а именно к «букве права», означает отождествление права: в полном и подлинном его смысле, с выражающей его видимым образом совокупной нормативной массой. Умаление полноты права – сложного социокультурного явления, до одного из его обликов – закона, влечет разноплановые неблагоприятные последствия. Развитие права, гражданского, в том числе – актуализуемого в обстановке обращения его в национальную систему нормативных положений – становится проблематичным. Непременным условием и основой подлинного, то есть научно-правового, развития права видится исходное принятие его явлением цельным, в единстве его ипостасей. В отсутствие того, когда как объект переустройства право берется лишь в нормативном облике, возможен единственно политико-правовой вариант правового развития. Реальный кризис в праве и в практике применения правовых положений не только что не отменяют необходимости развития права, но, напротив, предельно актуализируют его. Безусловность развития права в условиях обращения его лишь в «букву» ставит вопрос: что же в таком случае понимать под развитием права. Это вопрос о развитии права в целостном его понимании либо в доминирующем его облике. Наличие альтернатива: развитие теоретического базиса права – явления, принимаемого во всех его ипостасях цельным – как основы развития права в целом, то есть научно-правовое развитие, либо развитие системы действующего права, то есть развитие политико-правовое, прежде всего. Иными словами, научное развитие права либо совершенствование закона.

Ключевые слова: цельность права в ипостасийном единстве, умаление целостности права, сведение права к нормативной массе, развитие права, научно-правовое развитие и его политико-правовой вариант

Затронув, так или иначе (от пресловутого «задумываюсь» до попытки исследования сколько-нибудь тщательного) тему, связанную с настоящим и будущим гражданского права: с его задачами и проблемами применения, с путями развития и т. п., невозможно избежать преткновения перед дальнейшим ее рассмотрением, если не обозначить более или менее отчетливо базовый объект научного интереса. Тотчас надо определиться: что надлежит понимать под гражданским правом или, вначале лучше так – под правом вообще.

Ведь гражданское право, чем бы ни было право в целом, есть его некая составляющая: сколь угодно специфическая, но все же не настолько, чтобы особость эта качественно отделяла его от права как та-

кового. Некоторая обособленность так называемого частного права, с гражданским правом в качестве его основы, и не схожесть в чем-то с ним права публичного являются не более чем выражением теоретического усмотрения о потребности и о допустимости в едином праве таких двух его слагаемых. Значимость отличий гражданского права от, скажем, права уголовного отнюдь не дает оснований рассматривать их явлениями разнородными (при том, что попытки подобного имеют место).

В общем, (на начальном этапе исследования, по меньшей мере) целесообразно сосредоточиться на понимании сути права как такового. Ибо факторы разделения права на частное и публичное, выделения в нем в качестве его отраслей гражданско-

го права и административного права, права экологического, конституционного и др. не только не способствуют поиску истинного относительно права, а привносят отвлечением на них дополнительные трудности. Между тем учитывая, что непосредственным поводом для публикации стали концептуальные акты, призванные активировать развитие гражданского права и его отдельных, в разной степени институализированных, блоков, опорной территорией наших суждений станет право гражданское.

Итак, когда по поводу [гражданского] права в целом или отдельных его институтов и т.д. подготовлено нечто в каком бы виде не представленное (научной статьи, монографии, концепции и др.) к публичному обозрению, это как бы налагает на авторов, разработчиков того неформальную обязанность. Она заключается в том, чтобы хотя бы в общих чертах, но достаточно отчетливо выказать свое представление о праве – использованное как фундамент собственных суждений и сделанных выводов. Поскольку в одних случаях право предстает явлением мира идеального (не материального); умозрительными идеями, абстракциями и т. п., в целом относящимся к сфере теоретического конструирования, правового моделирования. Тогда как в других ситуациях правом обозначается не что иное, как комплекс юридических установлений; именуемый практической «системой права». (Некоторая часть «действующего права», выделенная из совокупной нормативной массы национального законодательства и иных нормативно-правовых актов, т. е. из «национального права» в целом, в виде его отрасли, рассматривается «гражданским правом»). Наряду с этим, когда в научной сфере или практическом обороте используются выражения вроде «(воз) действия права», «силы права» и т. п., это же самое право обнаруживает себя еще и как некое не вполне типичное социальное явление.

Каждое из триады (насчитанных нами, по меньшей мере) общего плана представлений о праве как будто не противоречит истинному его пониманию, то есть в равной степени основательно претендует на его принятие в таком качестве. Вместе с тем ни одна из упомянутых здесь точек зрения о сущности и содержании права не сопряжена с препятствиями на, скажем так, автономное ее существование. Это обстоятельство открывает оперативную возможность к исследовательской, правотворческой и иной деятельности с той или другой субъективно избранной позиции. Для обоснования суждений и соответствующих им заключений, предложений, инноваций и т. д. относительно всякого правового вопроса становится воз-

можным ограничиться собственным тем или иным представлением о (подлинной, конечно) сущности права. «Самое короткое и самое точное определение (здесь и далее выделено нами – авт.): право – это система правовых норм (или система норм права)». Поэтому именно таким представлением о праве довольствуются М. К. Сулейменов и немало других ученых «при решении утилитарных проблем гражданского права» [1; 2].

Таковы реалии. Не учитывать которые: вне зависимости от нашей готовности приветствовать их или противостоять им, неразумно. Поэтому в практическом плане рассмотрение всякого фундаментального и/или прикладного вопроса о (гражданском в том числе) праве предваряется потребностью если не снятия, то хотя бы умаления проблемы повсеместности использования термина «право» в качестве омонима – слова, неизменно звучащего и одинакового по написанию, но обозначающего сущностно разные объекты. Известно, омонимами считаются слова, обозначающие разные предметы, прежде всего, из отдаленных друг от друга областей (ключ: водный источник и к замку, музыкальный и др.). Вместе с тем омонимы – это также слова, что применяются к объектам одной сферы, хотя при этом являющимся качественно разными: право как источник законодательства и иных нормативных актов, не являющихся законами; право как само законодательство и т. п.; право как социальная сила и др. [2].

Немногие (как акад. М. К. Сулейменов) обременяют себя оговорками на этот счет: предполагается, что смысловое содержание используемого научно-практического понятия станет определенным из контекста сообщаемого. Тогда как по большому счету оговорки (безусловно, необходимой) недостаточно: требуется гораздо более того – глубоко проникнуться различием объектов, по поводу которых ведется речь, поскольку к некоторым из них далеко не во всех ситуациях оказывается уместным приложение термина «право» как обиходного юридического омонима. Вследствие этого при малейшей к тому возможности во избежание разного рода недоразумений целесообразнее, да и технически удобнее и т. д., использовать термины иные: точнее, а главное – однозначно, выражающие «право», когда оно исследуется в данном контексте. Такие, например, как «закон» или «правовые нормы» и др. [1].

В целом надо заявить об этом, хотя и попутно – от использования одинаковых по написанию и звучанию слов для обозначения качественно (по существу и содержанию) разных предметов в юридической литературе следует воздерживаться, хотя бы по мере возможности; и, кстати, избежать кажущейся

ся или настоящей тавтологии. В текстах нормативных от этого надо вовсе отказаться, ибо юридический омоним в законодательстве это – правовой нонсенс и дополнительные проблемы при практическом применении законоположений. (Налицо повод для исследования чрезвычайно интереснейшего: о юридических омонимах и синонимах, но углубленного, и потому – отдельного).

Сопровождение использованного в тестах понятия «право» оговорками и т. п. всего лишь дает возможность легче сориентироваться в логике и основе содержащихся в них суждений и заключений. Впрочем, изначально тезис об «обязанности» авторов оговариваться на большее не презентовался.

Вполне очевидно, будучи используемым для обозначения права в разных вариантах его понимания юридический омоним «право» неумолимо становится семантически поврежденным, ущербным etc. Уже из-за равной степени пригодности на принятие в том или ином качестве. Хотя никакое из указанных общего плана представлений о праве – притом, что истинному его пониманию ни одно из них не противоречит – на самом деле не соответствует ему в полной мере. Это, прежде всего. В равной мере это определяется фактической устойчивостью – соответственно, если не приемлемостью, то терпимостью – автономных позиций, основанных на одном из представлений о праве.

Вследствие того использование понятия «право» в качестве юридического омонима, хотя бы и контекстуально адаптированного, в действительности объективно усугубляет проблему. Поскольку – оставляя безответным вопрос: что же следует понимать под правом в целом – предоставляет повод утвердиться в представлении, что право как будто это и то и другое и третье. Против такой степени «каучуковости» нормативного определения (а ведь «право» как юридическая дефиниция это норма) может ли у кого-то не возникнуть неприятие. Хотя, конечно, всякое возможно. (Предупреждая оппонирование с подобного направления (как бы «от герменевтики»), сразу же заявим, что Г.-Г. Гадамер имел в виду нечто совершенно иное, заявив, что «истину не может познать и сообщить кто-то один») [3].

Учитывая грандиозность фактора, скажем пока так, неоднозначности права как явления, намеренное упрощение исследуемого объекта как основы исследовательского метода для облегчения его цельного понимания кажется в данном случае не подходящим: очевидного положительного результата это не влечет, создавая при этом дополнительные сложности. Для цели настоящего исследования

воспользоваться феноменом «расщепленности» права: представлением его чем-то вроде сложным образом сопряженной триады или более разнородных составляющих, не представляется возможным. Такой подход к объекту изучения не только не приближает к представлению о праве в целом, но приводит к предположению об избыточности целостного понимания права. Соответственно, к сомнениям в реальности существования права как такового: явления сложного, но цельного, не расщепленного. Принимать право, невзирая на все его «аспекты» и т. д., как нечто качественно единое в целом, однако выступающее под тремя, по меньшей мере (насчитанных нами) разными как бы «масками» тоже нельзя: поскольку тогда не избежать подмены явления на его проявления. И ожидаемой отчетливости целостного понимания права с такой позиции не дается. Единственно приемлемый подход состоит в ипостасийном видении права. Право принимается (и предстает таковым в действительности) единым в трех его ипостасях – в качественно отличных друг от друга сущностном и содержательном обликах. При этом никогда, то есть в одной из ипостасей, не раздельное настолько, чтобы цельность в единении обликов образовывала новую сущность, но и не сближающееся с ними до того, чтобы потерять целостность своего собственного облика.

В наличествующих рассуждениях и заявлениях о праве и путях его развития: вследствие разнообразнейших к тому непосредственных поводов и причин – попеременно актуализуемых, но в целом перманентных – случаются добросовестные заблуждения самого разного толка. Однако в этой связи не станем отрицать, что подлинное беспокойство доставляют не они, а предметно-методологическая ошибка, к ним приводящая (случай, когда ошибка, действительно – хуже сознательного преступления неких писанных правил). Она видится основанной на недостаточности личного осознания исследователем непреходящей фундаментальной значимости понимания права как сложного целостного явления, усугубленной небрежением к его ипостасийной сущности. Иными словами, основным источником научных заблуждений прикладного характера и вызванных ими (некоторой их частью), скажем так, правовых несообразностей в нормативном воплощении является фактор упрощения права.

В основном, полагаем, из-за самонадеянного отношения к упрощению права. Когда заведомое преступление некоей «красной черты» в исследованиях вполне отчетливо, однако примитивизация права самими исследователями, кажется, считается больше не ошибкой, а рискованным «методологическим» допущением или чем-то подобным. Соответственно, предполагается: при должной преду-

смотрительности и аккуратности беды оттого не случится.

Постижение и стройное изложение истины о праве есть вне сомнения цель идеального типа: к коей возможно лишь так называемое бесконечное приближение, но достичь которой нельзя. Соответственно, безупречного учения о сущности права, тоже нет. Наиболее привлекательной – вследствие ее устремленности к уловлению многомерности права как бытийно-гносеологического явления и попытки полного и всестороннего охвата научного объекта – представляется доктрина естественного права. Привлекательность ее связываем с очевидными задатками создания на ее основе добротного учения о сущности права (условной «теории подлинного права») – могущего стать всеобщим приемлемым. Предпосылками быть принятой в качестве таковой именно естественно-правовой теории видятся еще пара обстоятельств.

Прежде всего, связанное с тем, что это учение достигает уровня мировоззренческого уже в силу фактического утверждения им двух основных ипостасей права: которые принято обозначать как «дух права» и «буква права». И на этом основании в определении каждой из них собственных, скажем так, базовых сфер бытия: умозрительной и отчасти метафизической – для «духа права»; рациональной и материальной – для «буквы права». Тогда задачи права в одном из его структурных обликов – когда в целом оно понимается именно таковым – состоят в выстраивании и в достаточно внятном описании умозрительных конструкций с целью создания на основе таковых проекта совершенной системы регуляции имеющих место весьма разнообразных по своей природе человеческих отношений. Вместе с тем, в построении на базе идей, наборок etc. фундаментальной правовой науки – и в наибольшем соответствии с умозрительными, если не называть их чертежами, то абрисами – реальных общественно-полезных (позитивных) регуляторов существующих отношений. То есть в научном переосмыслении упомянутых фактических отношений с последующим, по результатам того, переводом их в правовые отношения посредством выработки практических нормативных для них положений. Можно сказать, в выведении из Права с помощью науки Закона; в создании таким путем права действующего – иного его структурного облика. Задачей права в таком, вновь явленном, облике становится практическое упорядочение и регулирование фактических отношений посредством права как системы правовых, т. е. нормативно закрепленных (в законе и др.), установлений и т. п.

Приводя выше изложенные тезисы, больше имеем в виду не собственно классическую теорию естественного права (в связи с этим не ассоциируем

ее с именами философских и научно-правовых основоположников и ученых, внесших существенный вклад в ее развитие), а некую собирательную доктрину. Она никак не оформлена научно, а сотворена схематично «здесь и сейчас»: в основном с методологической потребностью в том; и быть может как некое побудительное обстоятельство для научной разработки новой теории о сущности права. Хотя предмет именуется здесь так же как его прототип, его можно называть по-другому: ввиду открываемой способности стать тем, что было поименовано гипотетической теорией подлинного права. (Для цели настоящего исследования данное замечание считаем необходимым).

Такое становится возможным и в связи с тем, что взятая за основу «естественно-правовая теория» видится имеющей еще одно достоинство – связывать с собой воедино другие воззрения на право: с образованием в результате подобия общей, более или менее удачно объединенной, научной платформы. (Говоря о «подобии» общей платформы, имеем в виду ее умозрительный характер). С учетом этого предложенное выше, тезисами обозначенное, представление о сущности права, разумеется учением, которое в продвижении его на место цельного философско-правового мировоззрения органично дополняется другими теориями. В частности, исторической доктриной о сущности права, ратующей за сбережение правового обычая в качестве предтечи писаного права и своеобразной генетической матрицы права вообще, связанно призывающей к неприменной приверженности культурно-правовой традиции и др. в правовой науке, законодательстве и законодательстве.

В этой связи кажутся небезынтересными и практически полезными научные поиски в направлении так называемого этнического права [4]. Сущность и облик будущего гражданского права будет определяться не только ведь результатами развития нынешних о них представлений и изменениями сегодняшнего их состояния, но отчасти и реинкарнацией из прошлого (старого: доброго и простого – как обычно прибавляют в таких ситуациях). Поэтому отношение исследователей (казахстанских, прежде всего) к правовым достижениям, например, эпохи казахских биев как не более чем историко-правовому памятнику не разумно. Вполне очевидно, в частности, значимость уникального механизма правового воздействия – чего ныне, быть может, более всего недостает. Вообще для предвзято судящего об отсутствии в отечественном праве (пусть в отдельные периоды его исторического прошлого) потенциала развития, то есть для исследователя, заведомо пренебрегающего правовым наследием

предков, такая позиция еще и не вполне нравственная.

Сопряженной с естественно-правовой теорией – уже на основе одного предложения о понимании права как возведенной в закон воли (господствующего класса, элиты и т. п.) – видится также материалистическая (связываемая в основном с Марксом и его предшественниками и последователями) доктрина. Поскольку здесь воля вследствие заключения ее в твердые формы нормативных положений не утрачивает ни метафизической, ни психологической сущности; субстрат воли в горниле закона обретает себя еще и в качестве сущности правовой. Оставаясь понятием и категорией метафизической и психологической, воля становится теперь уже и понятием и категорией правовой.

Далеко не каждой научной теории присуще свойство выстраивания вокруг собственной центральной смысловой оси органичных связей с существенными ядрами иных доктрин, с атомами других позиций. В том числе, открытым к соединению с любыми другими; но самим объединить вокруг себя других не могущих. Отмеченную способность философско-правовой идеи, правовой теории и т. п. к комплементарному – с терпимостью к остающимся особенностям привлекаемых – притяжению и к образованию конструктивных связей с иными концепциями (с некоторыми из них) считаем важным и всеобщим значимым фактором в праве; причем, относительно всех векторов правовых интересов.

Нормативистская (нормативная) теория права при таком подходе становится, главное – не антагонистически противоречащей естественному праву доктриной; не противостоящим ему антиподом, не ее альтернативой. Ее допустимо принять как будто еще одним своеобразным дополнением естественной теории права; и больше: допустимо условное понимание теории нормативистской чем-то вроде частного проявления теории естественной. Будучи же в этом смысле условной составляющей предложенной здесь общей (собирающей, сводной и т. п.) теории о сущности, содержания и роли права – единственно, что сосредоточенной лишь на одной ипостаси права (на «букве права») – нормативная теория становится тем самым и ее выражением.

И все же на самом деле право – это не только в большей или меньшей степени отдельные либо так или иначе объединенные мировые теории, то есть умозрительные модельные конструкции, но и область материальная, где пребывает совокупность юридических норм. Право при скрупулезном его рассмотрении на основе теории позитивного права не сводится к непосредственному воплощению на-

учно-теоретических суждений в действующие нормы. Внедряемые в национальную правовую систему юридические нормы – отнюдь не лабораторный продукт (ведущих ученых, правовых НИИ и т. п.). Создание права в действительности производится не путем калькирования умозрительных конструкций, но приложением усилий иного рода – т. н. политической воли. И возможно ли вследствие того опровергнуть, что как раз политическая воля и усилия более всего оказывают влияние на существо, содержание и даже форму норм права, незримо запечатлеваясь в них.

Порождающая правовые нормы сила не исчезает, целиком расходуясь на их создание – мощь ее как будто «вливается» в них, это прежде всего. При этом обретенная ими сила посредством корректирования понимания юридических норм (на основе политического правосознания в первую очередь) регулируется: с довольно высокой амплитудой по всем параметрам регуляции. «Право есть некая социально-психологическая сила, регулирующая поведение людей», являясь, таким образом – отметил И. А. Покровский – «несомненной реальностью, фактом эмпирической действительности, частью из «мира сущего» [5]. Тем самым как онтологическая реальность право представляет собой, в том числе, социально-материальный фактор, субстанционально проявляемый как регулирующая поведение субъектов правовых отношений сила.

Чаще всего названная сила являет себя под эгидой правовой политики, определяющей – с надлежащей или формальной опорой на научные правовые модели – «выходные характеристики правовых положений»: о должном и возможном, о рекомендуемом и табуированном. Реальность явления права в данном облике подтверждается, в том числе, следующим. В Казахстане программные установки по определению, каким должно быть национальное право, сведены во (вторую по счету) Концепцию правовой политики в Республике Казахстан на период с 2010 до 2020 г., утвержденную Указом Президента РК № 858 от 24.08.2009 г. (с изменениями, внесенными Указом Президента РК № 731 от 16.01.2014 г.). В России источниками нового по его роли, существу и содержанию гражданского права и/или его институтов являются отдельные программы развития. Такие как, прежде всего, Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: в статус нормативно-правового акта не возведенная (текст ее «одобрен» Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; протокольным решением от 7.10.2009 г.). Наряду с этой существуют не концепции даже, а их проекты: в том

числе «совершенствования общих положений ГК РФ» и «развития законодательства о ценных бумагах и финансовых сделках», тем же Советом «рекомандованные».

Если же – по любым соображениям – не принимать в расчет указанное обстоятельство (не забывая, впрочем, о его значимости), то право видится, прежде всего, предельно объективированной и материально-осязаемой совокупностью норм. Нормативистское понимание права – это представление о праве как о нормативной массе в его предельно автономном бытии: с «выведением за скобки» иных сущностных обликов права. В этой связи нормативное понимание представляет собой, можно сказать, утилитарный вариант теории позитивного права: та же теория в ее упрощенном (для работы) виде. Оттого позитивное право нередко принимается равно правом нормативным.

Несмотря на это хочется считать, что позитивистской теорией все же, пусть и как будто, подразумеваются все три ипостаси или облика права, тогда как вполне усматривается лишь один из них: в виде облаченной в юридические тексты действующего права «буквы права». В сфере материальной («мира сущего») право также выделяется, хотя и несколько прикровенно, как рациональная социально-политическая сила: разнообразно проявляемая. Это обличье «силы права». Тогда как все, относящееся к «духу права», здесь пребывает как бы на обочине интереса и потому в практическом забвении – в силу безусловного рационализма позитивистской теории.

Как бы то ни было, в большинстве случаев право воспринимается все-таки в позитивном, т. е. в двухипостасийном, измерении – как совокупность правоустанавливающих и праворегулирующих положений, практическое действие коих во многом зависит от прямого и косвенного воздействия правовой политики. (О том редко задумываются; дважды качественно искаженных положений: при переходе правовой идеи в социально-правовое явление и далее – при конструировании правовой нормы и обретении ею юридической формы).

Предпринятое довольно объемное обращение к пониманию сущности и содержания права, убеждены, стоит того. Ибо без него суждения о развитии [гражданского] права тяготели бы к путям неизбежных (во всяком случае, велик риск того) заблуждений. Главная задача исследования – установление фактора преткновения в суждениях о праве и определение направления его преодоления – выполнена посредством обоснования базовой мысли. Она в том, что право – всегда – должно приниматься сложной целостностью в единстве трех его ипоста-

сей. Какие бы ни было, в том числе прикладного характера, утилитарные правовые исследования, основанные на ином восприятии права: принципиальном или методологическом («узком», но удобным для работы), усложняются. Выводы исследований, осуществляемых с так или иначе противоположного подхода, в лучшем случае не вполне убедительны. В худшем случае это исходный пункт следования неверифицированными путями со всеми вытекающими неблагоприятными последствиями. Поэтому указанное никогда не должно ускользать от внимания никого из исследователей, и ни в коем случае никто не может пренебрегать им.

В том числе и в случаях, вновь это подчеркнем, когда предмет исследовательского интереса видится полностью пребывающим в проекции одной лишь из ипостасей права. В такой ситуации исследователь волен сосредоточиться на одном из обликов (пониманий) права и, видя его достаточным для собственных научных изысканий инструментом, должен сделать четкое и недвусмысленное об этом предупреждение и постараться подобрать в связи с этим сообразные термины из категориального аппарата. Однако действия ученого, поступающего как академик НАН РК Сулейменов: четко объявляющего, что (в данном случае) он понимает под правом, внятно заявляющего о намерении в правовых изысканиях руководствоваться именно таким его видением – пригодным для его собственных исследований, есть наименьшая из его обязанностей. Главнейшей его заботой является «не забыть» о целостности права и «не упустить ни на миг из виду» его трех-ипостасийное единство: не пренебрегая ни одним из его обликов, несмотря на субъективную привлекательность одного из них. Между тем, как соблюсти данные постулаты в реальной действительности не столь легко, как это может показаться изначально.

Право любого ученого того же акад. Сулейменова – безупречная логичность и в целом стиль изложения которого неизменно импонируют – при решении каких-то проблем гражданского права исходить из той же нормативной концепции права. Однако же не по причине, что «это истинная (а таковой по общему правилу может быть только одна – авт.) теория понимания права» [1]. И вовсе не потому «во-вторых, что остальные концепции (здесь и далее выделено нами – авт.), даже если они верные, меня мало интересуют, так как они малопригодны для решения практических проблем» [1]. При намерении тотчас «использовать именно позитивное право» «как единственно пригодное для решения проблем цивилистики».

Налицо элементы максимализма, которые следует отнести в основном к полемичности, с неумо-

лимым тяготением ее к некоей поляризации позиций, к предельному размежеванию и т. п. Крайности при выражении приоритетов вроде того, чтобы при решении утилитарных проблем исходить из нормативной концепции права, «потому, что это истинная теория понимания права» и др., можно списать на полемичность и более к тому не обращаться. Тогда как крайности другого рода не одинаковые с приведенными суждениями по их значимости (точнее, по их воздействию, по последствиям). Имеем в виду заявления: от того, что «остальные концепции, даже если они верные, меня мало интересуют, так как они малопригодны для решения практических проблем», до – «все остальное для меня глубоко безразлично» и т. п. Такие заявления списывать на полемичность не следует; нельзя их «списать».

Им следует уделить особое внимание. Менее всего такое вызвано наличием хотя и формально-го, но данного видимым образом, отступления от провозглашенного выше правила (поскольку оно ведь может стать не вполне выверенным). Тем не менее, укажем, что нами здесь ни в какой форме не предлагается всегда: в фундаментальных и в прикладных исследованиях и в научной публицистике на тему права, в дискуссиях по поводу применения права исповедовать естественно-правовую или теорию, что выше предложено принять под тем или иным названием – во всей ее полноте. Удерживать право во всей его полноте при решении определенных задач обременительно, почему и было выражено непротивление сознательному концентрированию в конкретных ситуациях на позитивной теории права, на нормативном его видении, лишь упредив собственные суждения о таком именно подходе. Императив заявлен другой – неизменно разуметь право в единстве трех его ипостасей, всегда это «держать в уме» и, безусловно, принимать в расчет при любых исследованиях; оперативно пребывая, допустим, на нормативной площадке.

В этой связи нет сомнений, что М. К. Сулейменов в действительности ничуть не упускает из виду всей совокупности воззрений на сущность права и в полной мере осознает то, что выше обозначено ипостасийностью права и т. д. Делая, тем не менее, заявления об отсутствии к тому интереса, о «глубоком безразличии» и т. п. – исключительно с методологическими задачами. Однако поскольку источник исследовательской позиции, выраженной в подобных заявлениях, это один из столпов постсоветской цивилистики и вследствие того некий эталон и образец для подражания (даже в деталях), то это оказывает мощное воздействие – в данном случае не вполне благотворное. И ведь если бы только на одних последователей ученого.

Впрочем, обращение здесь к полемически заостренным высказываниям одного из больших ученых-цивилистов является не более чем поводом, чтобы отчетливее обозначить реально сложившуюся неблагоприятную для полноценного существования и устойчивого развития права ситуацию. В этом плане существо ее коротко ее можно охарактеризовать как неосновательное тотальное умаление полноты Права – сложного социокультурного явления, до одного из его обликов – Закона. Вольное или невольное, но повсеместно возобладавшее поддержание (зародившегося отнюдь не у акад. Сулейменова) мнения о сосредоточении теперь истины о сущности права в нормативистской правовой доктрине или о получении ее в монопольное владение теории позитивистской, повлекло и повлечет еще больше многоплановых весьма существенных негативных последствий. Следует остерегаться чрезмерного увлечения нормативистской доктриной: во всяком случае, до такой степени, что будто это видение права «единственно пригодное (пригодность не должно отождествлять с удобностью: и то, лишь в некоторых случаях – авт.) для решения проблем цивилистики». Убеждены в необходимости того потому, прежде всего, что оно роковым образом связано с неизбежностью практического забвения всякого другого воззрения, хранящего в том или ином виде целостное понимание права: в единстве трех сущностных его обликов. Тогда как изначально как раз на забвении и/или небрежении этого зиждется глобальная (центральная и т. п.) проблема права и вызванная тем самым главная проблема правоприменения.

Отвержение принятия права в его полном (цельном) понимании и/или уклонение от бремени неустанного удерживания в виду его ипостасийной сложности неумолимо влечет то, что право все больше утрачивает многие свои особенно тонкие и глубокие свойства, вследствие чего стремительно выхолащивается. Окончательным результатом того видится констатация: «буква (права) убила (его) дух» [6]. Иными словами, ситуация в действующем праве такова, что место права естественного («живого», «одухотворенного») все больше занимает право денатурированное, целиком сотворенное: рефлексизирующее и т. п., но все же не «живое» [7].

Полагаем, не стало уже возможности уклоняться от того, чтобы всерьез задуматься – заново – по поводу изложенного как над проблемой в первую очередь теоретической, но экстраполированной в действующее право, укоренившейся там и оттого негативно воздействующей на практику его применения. Настало время оторваться от прикладных разработок в гражданском праве (востребованных и

т. п.) на основе позитивной теории и обратиться к преданным отчасти забвению альтернативным научным воззрениям на сущность права. Поскольку небрежение догмами (основными началами) теории права весьма «грубо и зримо» проявляется в качественном понижении эффективности применения правовых установлений: явления каждым из нас наблюдаемого и констатируемого большинством авторитетных ученых [8-11].

Вызванный названной проблемой реальный кризис в праве (частном и публичном: во всех их отраслях) и в практике применения правовых положений формально не только что не отменяют необходимости развития права, но, напротив, предельно актуализируют его.

Безусловность развития права в условиях обращения его единственно лишь в «букву» ставит вопрос: что же в таком случае надлежит понимать под развитием права (под развитием права гражданского, в том числе). Это вопрос о развитии права в целостном его понимании либо в доминирующем его облике. Иными словами, налицо альтернатива: развитие теоретического базиса права – явления, принимаемого во всех его ипостасях цельным – как основы развития права в целом, то есть научно-правовое развитие, либо развитие национальной системы действующего права, то есть развитие политико-правовое, прежде всего.

Литература

1. Сулейменов М. К. Гражданское право и гражданское законодательство // Частное право Республики Казахстан. Алматы: Зангер, 2011. Т. 5.
2. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992.
3. Гадамер Г.- Г. Истина и метод. // Основы философии в вопросах и ответах / под ред. Е. Е. Несмеянова. 2-е изд. Ростов н/Дон: Феникс, 2002. С. 170.
4. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы: монография. Саранск, изд. Мордовского ун-та, 2009.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 60
6. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М.: Проспект, 2013.
7. Диденко А. Г. Вызовы времени: теория недействительных сделок и ее отражение в современной правовой действительности. Алматы: Раритет, 2016.
8. Скловский К. И., Ширвинд А. М. Последствия недействительной сделки // Закон. М., 2013. № 6.

9. Сулейменов М. К. Юридические факты в гражданском праве: проблемы теории и практики. Алматы: Зангер, 2015.

10. Гишинский Я. И. Уголовное право: возможности и пределы // Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сб. статей. СПб, 2013.

11. Жишинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2е изд. М., 2009.

References

1. Sulejmenov M. K. Grazhdanskoye pravo i grazhdanskoye zakonodatel'stvo [Civil law and civil legislation] // Chastnoye pravo Respubliki Kazakhstan. Almaty: Zanger, 2011. T. 5.
2. Gribanov V. P. Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav [Limits of implementation and protection of the civil rights]. M., 1992.
3. Gadamer G.- G. Istina i metod [Truth and method] // Osnovy filosofii v voprosakh i otvetakh / pod red. E. E. Nesmeyanova. 2-ye izd., pererab. i dop. Rostov n/Don: Feniks, 2002. S. 170.
4. Sushkova Yu. N. Etnopravosudiye u mordvy: monografiya [Ethnojustice at a mordva: monograph]. Saransk, izd. Mordovskogo un-ta, 2009.
5. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Main problems of civil law]. M.: Statut, 1998. S. 60
6. Isaev I. A. Tenevaya storona zakona. Irratsional'noye v prave [Shady side of the law. Irrational in the right]. M.: Prospekt, 2013.
7. Didenko A. G. Vyzovy vremeni: teoriya nedejstvitel'nykh sdelok i ee otrazheniye v sovremennoj pravovoj dejstvitel'nosti [Time challenges: the theory of invalid transactions and its reflection in modern legal reality]. Almaty: Raritet, 2016.
8. Sklovskij K. I., Shirvind A. M. Posledstviya nedejstvitel'noj sdelki [Consequences of the invalid transaction] // Zakon. M., 2013. № 6.
9. Sulejmenov M. K. Yuridicheskiye fakty v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki [The legal facts in civil law: problems of the theory and practice]. Almaty: Zanger, 2015.
10. Gilinskij Ya. I. Ugolovnoye pravo: vozmozhnosti i predely [Penal law: opportunities and limits] // Deviantnost', prestupnost' i sotsial'nyj kontrol' v «novom mire»: sb. statej. SPb, 2013.
11. Zhilinskij A. E. Ugolovnoye pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz [Penal law waiting for changes. Theoretic-instrumental analysis]. 2-ye izd. M., 2009.

* * *

**COMPLETE UNDERSTANDING OF THE RIGHT AS CONDITION
AND BASIS OF ITS SCIENTIFIC DEVELOPMENT**

POPOV VALERY SERGEEVICH

Chelyabinsk State University (Kostanay Branch),
Kostanay, the Republic of Kazakhstan, e-mail: ive90@mail.ru

POPOVA IRINA VALERYEVNA

Southern Ural State University
(National Research University),
Chelyabinsk, the Russian Federation, e-mail: ive90@mail.ru

The right is the phenomenon superdifficult, but integral: uniform in three of its forms – in appreciably and shapes substantially excellent from each other. At the same time in each of appearances separate so that their integrity did not form new essence; and not approaching them before to lose integrity of own appearance. Free and involuntary data of the right to one of its forms, namely to «right letter», mean a right identification: in full and its true meaning, with the cumulative standard weight expressing in its visible way. Derogation of completeness of the right – the difficult sociocultural phenomenon, to one of its shapes – the law, attracts versatile adverse effects. Development of the right, civil, including – actualized in the conditions of its address to national system of standard provisions – becomes problematic. Indispensable condition and basis original, that is scientific and legal, development of the right initial acceptance by its phenomenon integral, in unity of its forms seems. For lack of that, it depends a reorganization object the right undertakes only in a standard appearance, the political and legal option of legal development is only possible. Real crisis in the right and in practice of application of legal statuses is not only cancelled by need of development of the right, but, on the contrary, extremely staticize it. Certainty of development of the right in the conditions of the address is only in «letter» raises a question: what is understood as development of the right in that case. It is a question of development of the right in its complete understanding or in the dominating its shape. The alternative is available: development of theoretical basis of the right – the phenomenon accepted in all its forms integral – as bases of development of the right in general, that is scientific and legal development, or development of system of a good law, that is development political and legal, first of all. In other words, scientific development of the right or improvement of the law.

Key words: integrity of right in hypostatic unity, derogation of integrity of the right, data of the right to standard weight, development of the right, scientific and legal development and its political and legal option

Об авторах:

Попов Валерий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры права Костанайского филиала Челябинского государственного университета, г. Костанай, Республика Казахстан

Попова Ирина Валерьевна, магистрант по направлению подготовки «Правовое обеспечение управления персоналом в России и за рубежом», кафедра трудового и социального права Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Российская Федерация

About the authors:

Popov Valery Sergeevich, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of the Right Department, Kostanay Branch of Chelyabinsk State University, Kostanay, the Republic of Kazakhstan

Popova Irina Valeryevna, Applicant for Master's Degree, the Education Program «Legal Support of Human Resource Management in Russia and Abroad», the Labor and Social Law Department, Southern Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, the Russian Federation